

НАТАЛЬЯ ЗАХАРОВНА КОКОВИНА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы
Курский государственный университет
(Курск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-1792-2680; natzak@rambler.ru

ИРИНА ПЕТРОВНА МИХАЙЛОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник
Курский областной литературный музей
(Курск, Российская Федерация)
mihailovairin@mail.ru

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В. В. БОРОДАЕВСКОГО

А н н о т а ц и я . Представлен анализ публикаций поэта В. В. Бородаевского в начале XX века «О трагизме в христианстве» и «О религиозной правде Константина Леонтьева». Рассматриваемые социально-философские и религиозные стороны учения выдающегося русского мыслителя, писателя и публициста К. Н. Леонтьева оказали значительное влияние на формирование личности поэта Бородаевского, который, пытаясь установить закономерность эволюции взглядов и жизненного пути Леонтьева, осветить единство его идей, высказал свое весьма оригинальное мнение в «споре о христианской культуре». Актуальность исследования определяется усилением интереса в литературоведческой науке к художественной эсхатологии, метаистории, историософии и апокалиптике, а также тем, что малоизвестные публикации Бородаевского о Леонтьеве, несомненно, важны не только для понимания сложных аспектов самобытного наследия русского мыслителя, но и возможностью уточнить мировоззренческую позицию поэта Бородаевского.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Серебряный век, Бородаевский, Леонтьев, религиозно-философский дискурс, апокалипсис

Д л я ц и т и р о в а н и я : Коковина Н. З., Михайлова И. П. Религиозно-философская концепция К. Н. Леонтьева в интерпретации В. В. Бородаевского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 40–45. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1091

ВВЕДЕНИЕ

Тема данной статьи обусловлена интересом к осмыслению поэтом Валерианом Валериановичем Бородаевским социально-философской и религиозной сторон учения русского мыслителя К. Н. Леонтьева, его взгляду на природу человека, трактовку чувства страха и понимание им роли спасения.

Закономерный интерес деятелей науки, культуры и искусства рубежа XIX–XX веков к идеям выдающегося русского религиозного мыслителя и писателя Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891) объясняется поисками таких путей духовного преображения жизни, которые вывели бы общество из назревавшего кризиса; именно это вызвало в русской культурной среде острую потребность в религии. Как отмечает А. П. Козырев, современники К. Н. Леонтьева, постигая его философское наследие, испытыва-

ли некоторую двойственность: с одной стороны, «ренессанс» хотел «обнаружить в его творчестве объединяющую идею <...> или же ее принципиальное отсутствие», но, с другой – «не преуспел в постижении многогранного образа мыслителя, не укладывавшегося в прокрустово ложе схем и четких формул» [4: 432].

О месте Леонтьева в ряду представителей русской философской и социально-политической мысли писали Л. Н. Толстой и Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев и В. В. Розанов, В. В. Зеньковский и многие другие. Среди многочисленных публикаций начала XX века о наследии Леонтьева особое внимание привлекают две статьи курского поэта Бородаевского. Наша задача состоит в том, чтобы привлечь к анализу малоизученные материалы, в частности работы Бородаевского «О трагизме в христианстве» и «О религиозной правде Константина Леонтьева», в которых

отражено индивидуально-авторское понимание религиозных взглядов Леонтьева.

* * *

Имя В. В. Бородаевского (1874–1923), поэта религиозно-философского склада, при всех несомненных заслугах не относится к титульным именам русской поэзии первой трети XX века, поэтому нуждается в представлении. Уроженец Курской губернии, выходец из старинного дворянского рода, горный инженер по образованию, он заявил о себе в начале XX века тремя сборниками стихотворений. Бородаевский входил в круг Вяч. Иванова. Отзывы современников о его поэтическом даровании были весьма противоречивы. Например, Вяч. Иванов, Н. С. Гумилев видели в нем продолжателя традиций философской лирики Е. А. Боратынского и Ф. И. Тютчева, весьма сдержанно отзывался В. Я. Брюсов, возлагал надежды В. В. Розанов, восхищался А. Белый [6], [7].

Духовные поиски истины, часто мучительные, сопровождали Валериана Бородаевского всю жизнь; они были отражением характерной особенности времени, отличавшегося глубокими философскими раздумьями, любовью к философии, поисками нового Бога, смысла жизни и даже рецептов бессмертия. Сам Бородаевский считал, что его «воззрения складывались <...> “под перекрестным влиянием В. Соловьева, Н. Ф. Федорова и, еще интимнее, К. Леонтьева”» [1: 185]. Именно об этом он писал в автобиографии, которую отправил в письме А. А. Венгеру. Здесь он также указывает, что

«с 1903 года состоял членом Петербургского Религиозно-философского общества, где однажды выступал против христианской концепции В. В. Розанова, осуждаемой мною с точки зрения византийско-аскетической литературы восточных отцов, а затем, в 1910 году, читал там же реферат “Религиозная правда Константина Леонтьева”» [1: 185].

Кроме этого выступления в Христианской секции Религиозно-философского общества, Бородаевский участвовал в прениях по докладу Философова о католическом «модернизме» в той же секции 20 декабря 1909 года [2: 76–77, 91]. Упоминает он и статью «О трагизме в христианстве», опубликованную в «Русском вестнике» в 1903 году. Эта статья Бородаевского, по словам самого поэта, «была в сущности песней о грозном суде над человеческим сердцем, брошенной в кучу соблазнов и метаний» [1: 185], явилась веским словом поэта в споре о сущности христианской культуры.

Бородаевского интересует прежде всего человек в пространстве сакрального. Обращаясь

к осмыслению глубинных вопросов, как то: в чем искать дух христианства, в чем его истинная сущность и, наконец, в чем заключается трагизм христианства, он заключает, что христианство основано на принципах аскетизма:

«Христианство утверждает аскетизм; как бы мы ни строили нашу *жизнь*, – *мышление* наше, чтобы быть христианским, должно принять этот положительный знак воли Христовой...» (О трагизме: 617)¹.

Самые высокие моменты в жизни человека, по мнению автора, «это моменты забвения своего я» (О трагизме: 624). Бородаевский с поэтическим прозрением отмечал, что «моменты, иногда столь далекие от всех наших представлений о счастье и наслаждении, являются кардинальными точками, основами, на которых покоится другой, неизвестный нам порядок мира» (О трагизме: 624). Эти «моменты» он называет «нравственным благом». Свои размышления поэт иллюстрирует притчевым примером «о голодном и куске хлеба»:

«Если вы даете голодному кусок хлеба – земное благо будет в том, что вы утолите острое страдание; но благо *истинное* не в самом хлебе и не в чувстве сытости, а только в том волевом акте, которого вы явились носителем». А для нищего истинное благо «наступит в тот момент, когда он, голодный, отломит от вашего хлеба половину и передаст другому» (О трагизме: 623–624).

Находясь под сильным влиянием идей В. С. Соловьева, Бородаевский утверждал, что мир движется к апокалипсическому финалу. Причину этого он видел в современном ему состоянии мира, которое далеко от совершенства и вряд ли сможет к этому совершенству приблизиться. Таким образом, в качестве основополагающего начала миропонимания Бородаевского выступал трагизм в восприятии жизни, который привел к осознанию трагичности христианской религии, корень которой он видит в разладе между благом земным и вечным, в жгучей распре между «хочу» и «должен». Иными словами, для Бородаевского христианство трагично, так как на земле не торжествуют христианские идеалы. Вслед за Леонтьевым он проповедует «антропологический пессимизм, долженствующий прийти на смену антропологическому оптимизму» (О религиозной правде: 257)².

Выступление Бородаевского в 1910 году в Религиозно-философском обществе (Санкт-Петербург) с докладом «О религиозной правде Константина Леонтьева» имело широкий резонанс, чему было несколько причин. На «изломе веков» система ценностей, сформировавшаяся в российском обществе, перестала

удовлетворять большую часть интеллектуальной элиты страны, а общественная психология испытывала постоянно нарастающее напряжение и фактически была подготовлена к крупным духовным, религиозным, социальным и политическим переменам. Специфической чертой поисков самоидентичности интеллигенции являлось глубокое проникновение религиозных тем в сферы искусства и науки, переосмысление предназначения человеческой жизни сквозь призму христианских ценностей православия, соотнесенных с традициями русской духовной школы. В этих условиях возрастает интерес к философско-эстетическим взглядам Леонтьева, который в значительной мере предвосхитил многие идеи, получившие законченное выражение в русской культуре на рубеже XIX–XX веков. В начале века Леонтьев постоянно присутствует в поле зрения исследователей. В религиозно-философских обществах Москвы и Петербурга свои доклады ему посвящают священники К. Аггеев (1909) и И. Фудель (1916), поэт В. В. Бородаевский (1910), критик и литературовед Б. Грифцов (1912), философ С. Н. Булгаков (1916) и публицист С. Н. Дурылин (1916).

Идеи Леонтьева, сделавшие его столь непопулярным при жизни, оживленно обсуждаются современниками Бородаевского, с которыми он вступает в диалог, отстаивая тезис о главенствующей роли религиозных настроений в творчестве мыслителя.

Высоко отзываясь о личности Леонтьева, Бородаевский писал об отсутствии притворства, о смелости и оригинальности его мысли. Поэт с сожалением констатировал, что «К. Леонтьев не был по достоинству оценен современниками», и пророчески предрек, что ему «суждена посмертная известность, возрастет интерес к его идеям» (О религиозной правде: 253). Определяя задачу своей работы как освещения религиозного воззрения Леонтьева, как необходимость «отметить ту правду, которую он утверждал», он пытается найти «основное начало, образующее стихию его духа» (О религиозной правде: 254). Бородаевский оспаривает утвердившееся мнение о том, что Леонтьев – «мыслитель, раздраемый противоречиями, так и не смог до конца объединить религиозные чаяния с эстетическими запросами и страстями политика» (О религиозной правде: 254). Он полемизировал с В. С. Соловьевым, чье суждение о «неслиянности идеалов» Леонтьева, по мнению поэта, «было принято и вошло как общее место о Леонтьеве во все, что о нем позже писалось» (О религиозной правде: 254).

Философско-культурологическая рефлексия концептуальных положений философа строится на поиске логических оснований анализа. Уже в статье «О трагизме в христианстве», «выступая против христианской концепции В. В. Розанова, осуждаемой <...> с точки зрения византийско-аскетической литературы восточных отцов» [1: 185], как отмечает поэт в автобиографии, он вопрошает: «где же тот *Центр*, вокруг которого вращается эта будто бы *христианская концепция?*» (617). Бородаевский убедительно доказал, что и «многоликость его (*Леонтьева*) может быть понята лишь при общем начале» (О религиозной правде: 254). Это *общее начало*, или «*объединяющий центр*», Бородаевский называл «*инстинктом иерархизма*», сближающим и охватывающим «обособленные сферы – эстетизма, реальной политики, мистики» (О религиозной правде: 255). Но вера, по убеждению и Леонтьева, и Бородаевского, лежит в глубинных основаниях бытия человека и обладает иррациональной, сверхъестественной реальностью без морализирующих смыслов. Именно мистицизм как «расположение веровать в нечто таинственное, выше видимого мира и выше нашего разума стоящее», по мнению Леонтьева, нужен человечеству «для подъема приниженных помыслов наших» [4: 467]. Бородаевский опирается на слова свящ. К. Аггеева, который «говорит о *высшем* Леонтьева, о том мистическом опыте, который был для него убедительнее всех диалектических доводов вместе взятых» (О религиозной правде: 255).

Глубоко проникнув в философские идеи Леонтьева, Бородаевский защищал «чуждые современному религиозному сознанию» основы христианства: страх, послушание, подвиг (О религиозной правде: 256). Особое внимание в философии Леонтьева он уделял проблеме соотношения страха и любви в деле личного спасения. Вслед за философом он считал, что именно эти основы

«генетически должны быть признаны начальными, исходными, потому что в душе человеческой любовь не предшествует страху, а следует за ним, свобода вырастает из послушания и благодать из подвига, а не наоборот» (О религиозной правде: 256).

Анализируя статью Леонтьева «Наши новые христиане. Ф. М. Достоевский и гр. Лев Толстой», Бородаевский приходит к выводу, что

«любовь как естественное личное расположение души есть дар, а не предмет религиозной обязанности, и потому не может быть задачей религиозного делания. Плодотворной любовью становится лишь на почве веру-

ющей и возрождающей души» (О религиозной правде: 258).

Аргументы, приводимые Бородаевским, говорят не об эпигонстве какого-либо рода с его стороны, а о принципиальном совпадении его взглядов со взглядами мыслителя, то есть он полностью разделяет идею Леонтьева, утверждавшего, что

«религиозного происхождения нравственная любовь лучше естественной, что естественная доступна не всякой натуре, а только счастливо в этом отношении одаренной», в то время как «до религиозной любви или милосердия может прийти и самая черствая душа долгими усилиями аскетической борьбы против эгоизма своего и страстей» (О религиозной правде: 257).

Особенно близка была Бородаевскому идея «мистического страха», утверждаемая Леонтьевым: «Смесь страха и любви – вот чем должны жить человеческие общества, если они жить хотят» (О религиозной правде: 258). Бородаевский отметил, что понятие «страх» являлось значимой категорией в словаре Леонтьева, а в проповеди страха Божия для философа заключалось глубокое убеждение в реальности Божественного бытия и сознание опасности возбудить Его гнев; это чувство у Леонтьева сочеталось с сердечной верой. Как и Леонтьев, Бородаевский считал, что «возрождение начинается прежде всего страхом Божиим» (О религиозной правде: 258), и подробно рассмотрел такие понятия, как «духовный авторитет», «подвиг», «свобода и послушание».

Заканчивая статью «О трагизме в христианстве», он, опираясь на слова Леонтьева, делает вывод: «*Кроткое и страшное*, – таким, и только таким было и есть истинное христианство, требующее *гнева Агнца*»³. Весьма показательный курсив принадлежит автору. И уже статью, посвященную непосредственно философии Леонтьева, завершает более оптимистичным, на наш взгляд, утверждением:

«Страх, послушание и подвиг вводят верующую душу в Церковь и здесь, в меру даров каждого преобразуются в высшие начала: из религии закона вырастает религия благодати» (О религиозной правде: 264).

Таким образом, общность утверждений Леонтьева и Бородаевского обнаруживает их глубинное родство, коренящееся в идентичности того идеологического пространства, на котором разворачивается их философствование. Бородаевский пытается снять противоречивость позиции Леонтьева антиномичностью его мышления: «Дух антитезы вообще был мощным двигателем его мысли» (О религиозной правде: 256). Действительно,

Леонтьев настаивает на возможности красоты и гармонии в соединении казалось бы несовместимых начал: «Жизнь проста; но где ее концы, где удовлетворяющий предел красоты и безобразия, страдания и блаженства, прогресса и падения?..» (О трагизме: 20). Эта черта близка и самому поэту. Неслучайно Бородаевский в уже цитируемой автобиографии и суть своего творчества определит следующим образом: «Парадоксальная гармонизация света и мрака, ведущих трагическую борьбу в душе человеческой, – вот что прежде всего предстало мне как задача лирического восприятия мира» [1: 185]. Эту же особенность его творчества отмечали и критики. Вяч. Иванов указал на религиозную подпочву его лиризма и «манихейский дуализм» мировоззрения, где сочетались «противоречия жертвенности и преступления, любви и жестокости, неба и ада, крылатого духа и змеиной плоти» [3: 264]. Анализируя первый сборник стихов Бородаевского, Вяч. Иванов видит «улыбчивые идиллии на черном фоне», что «заставляет поэта переживать каждую полярность сознания в ее метафизически последней и чувственно крайней обостренности» [3: 264]. В результате критик делает парадоксальный вывод: «Вся книга написана, в сущности, о религии, хотя религиозная тема затронута в ней, по-видимому, лишь бегло и случайно» [3: 265]. Бородаевский отмечал, что в этих словах «дана исчерпывающая характеристика книги, а, может быть, и вообще моей лирики» [1: 185]. Именно это балансирование на грани болезненного декадентства и романтизма отразил в своей рецензии на сборник стихотворений Бородаевского Н. Гумилев:

«...как мистик, Бородаевский не знает благостного Христа солнечных полей Иудеи, ему дорог Христос русский, “удрученный ношей крестной”, с губами слишком запекшимися, чтобы благословлять. Этот Христос видит самые мучительные сомнения, самые темные грехи, и он прощает не потому, что любит, а потому, что понимает»⁴.

Независимость Леонтьева от всякого догматизма и морализма подкупали Бородаевского, который, безусловно, был близок Леонтьеву и по складу характера, и по мировоззрению, и по художественности мышления. Поэту Бородаевскому несомненно импонировала характеристика И. Фуделя, назвавшего Леонтьева «художником мысли». Да и сам Леонтьев в одном из писем Фуделю характеризует себя следующим образом: «Я же по складу ума более живописец, чем диалектик, более художник, чем философ» [8: 169]. Бородаевского привлекал и парадоксальный аристократизм мыслителя: как и Ле-

онтьев, он из протеста к безбожию и неверию пришел к вере и набожности; как и Леонтьев, он всю жизнь стремился обрести тот «фундамент», ту основу, которая не даст ему «погибнуть метафизически и в земном круге не обратит “в мятущееся перекаати-поле”» (О религиозной правде: 254).

Подбирая к философии Леонтьева «ключ, который раскрыл бы нам тайну этой сильной уединившейся души» (О религиозной правде: 254), Бородаевский тем самым дал потомкам своеобразный «ключ» к пониманию своего мировоззрения, коим и явились его работы, посвященные «религиозной правде» Леонтьева.

Осмысление «материалов» о человеке удивительных дарований отразилось в лирике Бородаевского, где явно угадывается леонтьевское православное восприятие мира: осознание греха и стремление к покаянию, смирение и жертвенность:

«Когда Господь метнет меня на землю, –
Как кошка блудная на камень мостовой
Ударюсь когтем я и гневный вопль подыблю;
И, выгибаясь жилистой спиной,
Гляжу к Нему: с улыбкой наблюдает
Мой жалкий вид Господь – и, сумрачен, бреду...
Потом кричу: “Ты прав! Душа моя пылает!
Ты прав!” – кричу в молитвенном бреду.
И смотрит Он. Рука Его подъята,
И я бегу, и на руки Его
Бросаюсь, и ложусь так беззаботно-свято;
И гладит Он меня, лаская: “Каково?”»⁵

Поэт Бородаевский, как и Леонтьев, не только ощущал, что мир находится накануне грандиозных исторических потрясений, но и осознавал, что только вера поможет выстоять в надвигающейся эпохе новых небывалых всемирно-исторических раздоров:

«Если твой посох расцвел, кто помешает скитанию,
Кто преградит тебе путь, если ты с Богом идешь?
Странником был ты и станешь свободе, пленный;
Каждой дороге отдаст верный свой отпечаток стопа»⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К сожалению, задуманная по совету Бердяева книга о Леонтьеве Бородаевским не была написана, но и рассмотренные нами статьи позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, малоизвестные публикации Бородаевского о Леонтьеве, несомненно, важны не только для понимания самобытного наследия русского философа, но и раскрывают духовный мир поэта Бородаевского. Во-вторых, рассматриваемые социально-философские и религиозные стороны учения выдающегося мыслителя, писателя и публициста Леонтьева оказали значительное влияние на формирование личности поэта Бородаевского, который, пытаясь установить закономерность эволюции взглядов и жизненного пути Леонтьева, осветить единство его идей, высказал свое весьма оригинальное мнение в «споре о христианской культуре».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бородаевский В. В. О трагизме в христианстве // Русский вестник 1903. № 2. С. 615–624. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ² Бородаевский В. В. О религиозной правде Константина Леонтьева // К. Н. Леонтьев: Pro et contra: Антология: [В 2 кн.]. Кн. 1: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та, 1995. (Серия «Русский путь»). С. 249–264. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ³ Леонтьев К. Н. Письмо провинциала к г. Тургеневу // Отечественные записки. 1860. № 5. С. 624.
- ⁴ Гумилев Н. Письма о русской поэзии: С. Городецкий. Русь: Песни и думы. М., 1909. В. Бородаевский. Стихотворения: Элегии, оды, идиллии. СПб., 1909. Б. Садовской. Позднее утро: Стихотворения. М., 1909 // Аполлон. 1909. № 2, ноябрь. С. 22–23.
- ⁵ Бородаевский В. В. Посох в цвету: Собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А. Д. Бородаевского, Ю. А. Бугрова, И. П. Михайловой, В. А. Резвого; Послесловие и коммент. Е. В. Глуховой. М.: Водолей, 2011. С. 61.
- ⁶ Там же. С. 185.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «При сем прилагаю мою автобиографию»: Письмо поэта В. В. Бородаевского к С. А. Венгеру / Публ. подгот. И. П. Михайлова // Исторический архив. 2012. № 3. С. 182–187.
2. Ермичев А. А. Религиозно-философское общество в Петербурге. 1907–1917: Хроника заседаний. СПб., 2007. 323 с.
3. Иванов В. И. Предисловие // Бородаевский В. В. Посох в цвету: Собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А. Д. Бородаевского, Ю. А. Бугрова, И. П. Михайловой, В. А. Резвого; Послесловие и коммент. Е. В. Глуховой. М.: Водолей, 2011. С. 263–266.
4. Козырев А. П. Константин Леонтьев в «зеркалах» наследников // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Антология: [В 2 кн.]. Кн. 1: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей

- 1891–1917 гг. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та, 1995. С. 432–465. (Серия «Русский путь»).
5. Леонтьев К. Н. Вл. Соловьев против Данилевского // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М., 1995. С. 466–511.
  6. Михайлова И. П. «Мои шаги – так скорбно малы»: Личность и поэзия В. В. Бородаевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 2. С. 195–199.
  7. Обатнин Г. В. К характеристике творческого пути В. В. Бородаевского (по архивам Ф. К. Сологуба и сестер Чеботаревских) // Русская литература. 2017. № 4. С. 194–212.
  8. Фудель И. Свящ. Культурный идеал К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: Pro et contra: Антология: [В 2 кн.]. Кн. 1: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та, 1995. С. 160–180. (Серия «Русский путь»).

Поступила в редакцию 03.11.2023; принята к публикации 09.09.2024

Original article

Natalia Z. Kokovina, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Kursk State University (Kursk, Russian Federation) ORCID 0000-0002-1792-2680; natzak@rambler.ru

Irina P. Mikhailova, Cand. Sc. (Philology), Research Associate, Kursk Regional Literature Museum (Kursk, Russian Federation) mikhailovairin@mail.ru

K. N. LEONTIEV'S RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL TEACHING IN THE INTERPRETATION OF V. V. BORODAEVSKY

Abstract. This article analyzes the early twentieth-century publications of poet V. V. Borodaevsky titled “On Tragedy in Christianity” and “On the Religious Truth of Konstantin Leontiev”. The studied socio-philosophical and religious dimensions of the teachings of the prominent Russian thinker, writer, and publicist K. N. Leontiev significantly influenced the development of Borodaevsky’s personality. In his works, Borodaevsky sought to establish the patterns in K. N. Leontiev’s evolution and life journey while highlighting the coherence of his ideas and expressed his own unique opinion, which contributed to the ongoing “dispute about Christian culture”. The relevance of this research is underscored by the growing interest of literary studies in artistic eschatology, metahistory, historiography, and apocalypticism. Additionally, Borodaevsky’s lesser-known writings on K. N. Leontiev are crucial not only for comprehending the intricate aspects of the Russian thinker’s original legacy but also for clarifying the worldview stance of poet V. V. Borodaevsky.

Key words: Silver Age, Borodaevsky, Leontiev, religious and philosophical discourse, apocalypse

For citation: Kokovina, N. Z., Mikhailova, I. P. K. N. Leontiev’s religious and philosophical teaching in the interpretation of V. V. Borodaevsky. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):40–45. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1091

REFERENCES

1. “With this I enclose my autobiography”: A letter from the poet V. V. Borodaevsky to S. A. Vengerov. (I. P. Mikhailova, Ed.). *Historical Archive*. 2012;3:182–187. (In Russ.)
2. Ermichev, A. A. Religious and Philosophical Society in St. Petersburg. 1907–1917: Chronicle of meetings. St. Petersburg, 2007. 323 p. (In Russ.)
3. Ivanov, V. I. Preface. Borodaevsky, V. V. Staff in bloom: Collection of poems. (A. D. Borodaevsky, Yu. A. Bugrov, I. P. Mikhailova, V. A. Rezviy, E. V. Glukhova, Eds.). Moscow, 2011. P. 263–266. (In Russ.)
4. Kozyrev, A. P. Konstantin Leontiev in the “mirrors” of his heirs. *K. N. Leontiev: pro et contra. Anthology: In 2 books*. Book 1. St. Petersburg, 1995. P. 432–465. (In Russ.)
5. Leontiev, K. N. V. Solovyov vs Danilevsky. *Leontiev, K. N. East, Russia, and Slavdom*. Moscow, 1995. P. 466–511. (In Russ.)
6. Mikhailova, I. P. “My steps are so mournfully small”: The personality and poetry of V. V. Borodaevsky. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Russian Philology. 2007;2:195–199. (In Russ.)
7. Obatnin, G. V. Milestones of the creative career of V. V. Borodaevsky (archives of F. K. Sologub and the Chebotarevsky sisters). *Russkaya literatura*. 2017;4:194–212. (In Russ.)
8. Fudel’, I., Pr. The cultural ideal of K. N. Leontiev. *K. N. Leontiev: Pro et contra: Anthology: In 2 books*. Book 1: Personality and creativity of K. Leontiev in the assessment of Russian thinkers and researchers of 1891–1917. St. Petersburg, 1995. P. 160–180. (In Russ.)

Received: 3 November 2023; accepted: 9 September 2024